

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Посвящается светлой памяти выдающегося ученого, доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники РФ, действительного члена Международной академии холода, почетного члена Санкт-Петербургского отделения Инженерной академии РФ, члена Международной энергетической академии **КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА СЕЛЕЗНЕВА***

ВЕСТНИК

**КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ВЫПУСК 14

ТЕПЛООБМЕН И ГИДРОДИНАМИКА

Красноярск 1998

В последние годы, в связи с радикальными изменениями в политической и экономической ситуации в стране, разрывом устоявшихся связей между бывшими республиками Союза, предприятиями и научными организациями внутри России, переходом к рыночным отношениям производителей и потребителей компрессорной техники, возникла необходимость в объединении на новой добровольной основе. Инициатором, организатором и создателем такого объединения явился К. П. Селезнев. В 1990 г. под его руководством создана Ассоциация компрессорщиков и пневматиков (АСКОМП), объединившая большинство заводов-изготовителей не только России, но и ряда государств СНГ, высших учебных заведений, выпускающих специалистов-компрессорщиков, НИИ, КБ и других организаций, специализирующихся в области компрессорной техники и пневматики.

В настоящее время трудно осветить весь круг задач, решаемых АСКОМП: это координация усилий индивидуальных и коллективных членов Ассоциации в области научно-технического прогресса, повышения технико-экономических и эксплуатационных показателей компрессорного оборудования; апробация и экспертиза новых идей, научных разработок и конструкций машин и т. д. Ассоциацией учрежден и систематически выпускается журнал "Компрессорная техника и пневматика", главным редактором которого являлся К. П. Селезнев. Здесь освещаются новости отечественной и зарубежной науки и техники, публикуются научные статьи, отражающие последние достижения в области исследования, разработки, проектирования, производства и эксплуатации компрессорного оборудования и пневмосистем, учебно-методические вопросы обучения студентов в вузе, подготовки и переподготовки научных и педагогических кадров, а также реклама и информация о новых прогрессивных образцах компрессорной техники, рефераты и аннотации новых монографий, научных публикаций и учебной литературы, сведения о конференциях, симпозиумах и других научно-технических мероприятиях, проводимых под эгидой АСКОМП. В журнале публикуются статьи не только отечественных, но и зарубежных ученых, которые проявляют возрастающий интерес к журналу.

Ассоциация компрессорщиков и пневматиков – результат многолетнего творческого объединения специалистов СССР по компрессорной технике под руководством К. П. Селезнева. В мае 1998 г. при активном содействии и участии АСКОМП состоялась XI международная научно-техническая конференция по компрессорной технике в г. Казани.

За боевые и трудовые заслуги К. П. Селезнев награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", "За трудовую доблесть" и одиннадцатью другими правительственными наградами.

Большое значение в воспитании молодых инженеров и научных работников имел особый стиль работы К. П. Селезнева, сочетающий глубокое уважение и любовь к своим воспитанникам, постоянное внимание и помощь с высокой, а при необходимости, жесткой требовательностью, настойчивостью не только в достижении значительных научных результатов, но и в формировании у своих учеников чувства высокой ответственности за выполняемую работу, широты взглядов, умения видеть и использовать в своей работе новейшие достижения смежных отраслей науки и техники.

Светлая память о Константине Павловиче Селезеве навсегда останется в сердцах его близких, друзей, учеников и коллег – всех тех, кому посчастливилось хоть какое-то время быть рядом, работать и учиться, отдыхать и просто жить.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕОНИДЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ КИРЕНСКОМ*

В. Е. Кузнецов

Институт физики СО АН СССР, Красноярск
Президиум АН СССР, Москва

7 апреля 1999 г. исполнится 90 лет со дня рождения известного советского ученого в области физики магнитных явлений и биофизики, организатора науки, общественного и государственного деятеля, Героя Социалистического Труда, академика Леонида Васильевича Киренского.

Теперь, когда я уже на пенсии, у меня появилась возможность написать воспоминания, связанные с созданием Института физики СО АН СССР и деятельностью Л. В. Киренского. Я просмотрел все имеющиеся в моем распоряжении материалы, восстановил в памяти тот период 30–40-летней давности, когда принимал участие в создании Института, а затем работал в нем. Этот период, с 1955 по 1965 гг., был для меня самым ярким из моей 60-летней трудовой деятельности. Леонид Васильевич был тем человеком, с которым всегда было интересно и легко работать и жить. Главным в его деятельности была наука, однако он не был ученым-сухарем, отрешенным от других сторон жизни. Наряду с большой творческой научной работой, он интересовался и увлекался литературой, искусством, музыкой, спортом. Проработав с ним почти десять лет, я всегда его видел в центре коллектива: было ли это в институте, на совещаниях, конференциях, симпозиумах или в обыденной жизни. Плодотворная научно-исследовательская, научно-

* Эти воспоминания были написаны по просьбе Н. С. Чистякова для второго издания книги о Л. В. Киренском (Чистяков Н. С., Смолин Р. П. Леонид Васильевич Киренский (1909–1969). М.: Наука, 1981). Редакция Вестника КГТУ выражает благодарность Виктору Ефремовичу Кузнецову за любезно предоставленную возможность впервые опубликовать эти материалы в нашем сборнике. (Прим. ред.).

ие, ли организационная и государственная деятельность Л. В. Киренского всегда сопровождалась высокими чувствами ответственности и патриотизма.

го Первый раз я встретился с Леонидом Васильевичем в 1948 или 1949 г. на партийном активе в краевом театре а- А. С. Пушкина, познакомил нас А. Я. Власов. Я в то время работал председателем завкома судоремонтного завода. Г, Однако знал я о нем еще раньше, когда в 1943 г. начал работать заместителем начальника ЦЗЛ (центральной заводской лаборатории) этого завода. В этой же лаборатории до моего прихода работала З. Я. Киренская, и из разговоров я а- знал, что ее муж является кандидатом наук, преподает в Красноярском педагогическом институте. Уже в то время у у- меня были мысли заняться научно-исследовательской работой и я предпринимал с помощью А. Я. Власова некоторые у- шаги в этом направлении, но судьба, как говорится, распорядилась иначе. В начале 1950 г. меня командировали в Мо- й, скву, а через год я был назначен инспектором-консультантом Управления кадров Академии наук СССР по Отделению л физико-математических наук. Еще в Красноярске у меня сложилось мнение, что Леонид Васильевич является моло- 1- дым перспективным ученым, вокруг которого группируются способные научные кадры. После защиты им в 1950 г. 2- докторской диссертации, о группе физиков Красноярского педагогического института стало известно в Академии на- 3- ук СССР. В то время физические исследования развивались бурными темпами, создавались новые институты и лабо- 4- ратории, кадров физиков не хватало, оканчивающих вузы по этой специальности моментально расхватывали. В 5- Управление кадров АН СССР поступило предложение пригласить доктора Киренского Л. В. на должность заместите- 6- ля директора Института физических проблем им. С. И. Вавилова АН СССР. Директором этого института в то время 7- был академик А. П. Александров – ныне президент Академии наук СССР.

И вот Леонид Васильевич в Москве (по-видимому, это был 1952 г.). Сидим мы в кабинете начальника Управле- 3- ния кадров АН СССР С. И. Косикова, идет разговор о работе красноярских физиков, о переходе Леонида Васильевича 4- в Институт физических проблем. К немалому удивлению С. И. Косикова и отчасти моему, Леонид Васильевич не со- 5- гласился уехать из Красноярска. Мотивировал он свой отказ тем, что в пединституте у него свое перспективное науч- 6- ное направление, создан работоспособный коллектив и будет ли в этом отношении в Институте физических проблем 7- лучше – он не уверен. Спустя несколько лет, когда я уже работал в Красноярске в Институте физики и Леонид Ва- 8- сильевич был его директором, мы как-то вспомнили о его возможном переезде в Москву и он более подробно обосно- 9- вал причину своего отказа, что уже подтверждалось фактическим положением дел – Институт физики Академии наук СССР в Красноярске был создан, его заветная мечта исполнилась.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд партии. Съезд выдвинул важную народнохозяйственную задачу – создать в ближайшие 10–15 лет в восточных районах страны крупную базу по добыче угля и производству электроэнергии, третью мощную металлургическую базу с производством 15–20 миллионов тонн чугуна в год, а также новые машиностроительные центры. В связи с этим возрастала роль науки в развитии производительных сил Сибири. Прези- диум АН СССР наметил провести собрание актива научных работников Уральского, Западно-Сибирского, Восточно- Сибирского, Якутского, Дальневосточного филиалов и Сахалинского комплексного научно-исследовательского ин- ститута. Для участия в этом форуме, имея в виду что на нем будут рассматриваться и вопросы организации новых на- учных учреждений, я направил Л. В. Киренскому несколько пригласительных билетов. Собрание актива состоялось в апреле 1956 г. в Новосибирске; в нем приняли участие ведущие ученые Академии, а также представители высших учебных заведений, отраслевых исследовательских организаций, партийные и советские работники. В докладе прези- дента АН СССР академика А. Н. Несмеянова был дан анализ деятельности научных учреждений Академии и роли филиалов в решении задач, стоящих перед ней, и в частности по развитию науки в Сибири. Леонид Васильевич в сво- ем выступлении на активе подчеркнул важность научных исследований для народного хозяйства края и внес предло- жение создать Магнитную лабораторию Академии наук СССР при Красноярском педагогическом институте с подчи- нением ее Западно-Сибирскому филиалу АН СССР (г. Новосибирск).

В решении, принятом активом, были намечены мероприятия по дальнейшему улучшению деятельности науч- ных учреждений филиалов. Им было рекомендовано больше внимания уделять развитию теоретических исследова- ний, развертывать поисковые работы, поднимать уровень научных исследований и с большей настойчивостью вне- дрять результаты в народное хозяйство.

После международной конференции по магнетизму в Москве (май 1956 г.), в которой принимала участие груп- па красноярских физиков во главе с Леонидом Васильевичем, положительное мнение об их исследованиях утверди- лось не только в нашей стране, но и в научных кругах магнитологов за рубежом.

Созданию этого мнения (а позднее и созданию Института физики) во многом способствовал крупный ученый в области ферромагнетизма, тогда еще член-корреспондент АН СССР (с 1966 г. академик), Сергей Васильевич Воснов- ский. Его точку зрения как члена Бюро Отделения физико-математических наук АН СССР разделяли и другие ученые. Работая в контакте с руководством Отделения и бывая на заседаниях Бюро, я мог предположить, что вопрос создания Магнитной лаборатории в Красноярске может решиться положительно. Об этом я рассказал при встрече Леониду Ва- сильевичу и А. Я. Власову, которые еще находились в Москве после конференции. Первым шагом в решении этого вопроса должно было быть решение Бюро Отделения, а для этого была необходима встреча с секретарем Отделения физико-математических наук АН СССР академиком М. А. Лаврентьевым.

Теперь, когда стало известно мнение руководства Отделения и появилась надежда на создание лаборатории, ес- тественно возник сокровенный и давно вынашиваемый Леонидом Васильевичем вопрос об организации института. Об

* Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974.

этом мы с ним неоднократно говорили и раньше, а перед встречей с М. А. Лаврентьевым все обсудили еще раз в мельчайших подробностях. И все-таки, при этом обсуждении мы не пришли к твердому убеждению, что сейчас своевременно ставить вопрос об институте. Однако решение возникло за ночь. Рано утром, на другой день перед посещением М. А. Лаврентьева, Леонид Васильевич мне позвонил домой и мы условились, что внесем предложение о создании в Красноярске Института физики АН СССР с подчинением Отделению физико-математических наук. Конечно, это был очень смелый шаг, но мы решили рискнуть, имея в виду позицию для отступления – создание лаборатории.

Почему, собственно, Институт физики, ведь у Леонида Васильевича были ранее мечты об институте магнитного профиля, физико-техническом институте? В связи с этим нужно сказать, что название-института рассматривалось и обсуждалось неоднократно с учетом различных мнений. Основными доводами для названия "Институт физики" послужили следующие:

во-первых, в составе Академии наук СССР не было института с таким названием;

во-вторых, Институт физики был первым академическим учреждением такого профиля в Сибири, и, естественно, возникло желание, чтобы он был в этом отношении головным (сибирским). Следовательно, его название должно определять широкое развитие исследований по различным направлениям физической науки;

в-третьих, в первой половине пятидесятых годов в учебных институтах в Красноярске уже проводились научные работы по ферромагнетизму, биофизике, молекулярной и эмиссионной спектроскопии, по изучению биологических явлений в растительных организмах физико-химическими методами. Таким образом, название института широкого профиля обеспечивало развитие этих исследований и позволяло проводить работы по новым актуальным направлениям современной физики.

В настоящее время, когда после описываемых событий прошло 30 лет, выбранное название института с достоинством себя оправдало. Из Института физики выделился новый Институт биофизики, развернулись и успешно проводятся исследования в области ферромагнетизма, кристаллофизики, земного магнетизма, ядерного магнитного резонанса, спектроскопии, дефектоскопии и др.

Академик Лаврентьев принял нас в назначенное время и с большим вниманием выслушал обстоятельное сообщение Леонида Васильевича. (Это было в июне 1956 г.). При этом была высказана мысль о возможной организации Института физики вместо намечавшейся ранее Магнитной лаборатории. На мой вопрос, поддержат ли это Отделение, Михаил Алексеевич ответил, что нужно создавать, конечно, институт и сослался на необходимость развития науки в Сибири в целях освоения ее территории и природных богатств. В тот период уже готовились материалы по созданию Сибирского отделения АН СССР, что в значительной мере способствовало и решению об организации Института физики в Красноярске.

Вскоре, в июне же 1956 г., состоялось Бюро Отделения физико-математических наук (проходило оно в Институте физических проблем АН СССР), на котором выступил с докладом Л. В. Кириенский. На заседании присутствовали: академики Л. Л. Арцимович, П. Л. Капица, Г. В. Курдюмов, И. Е. Тамм, члены-корреспонденты АН СССР И. Н. Веква, Э. Р. Мустель и др. М. А. Лаврентьев, который вел заседание, уведомил присутствующих, что первоначально ставился вопрос об организации Магнитной лаборатории, но сейчас, учитывая исследования красноярских физиков, важность развития науки в Сибири, представляется целесообразным рассмотреть возможность создания института. Положительное мнение по этому вопросу высказал академик П. Л. Капица, его поддержали и другие. Решение Бюро Отделения физико-математических наук АН СССР о целесообразности организации Института физики в Красноярске было принято единогласно. Затем оно было направлено на рассмотрение Президиума Академии наук СССР.

5 июля 1956 г. распоряжением Президиума АН СССР для подготовки материалов по организации Института физики была образована комиссия в составе:

- Янус Р. И. – председатель, профессор Института физики металлов Уральского филиала АН СССР;
- Кириенский Л. В. – доктор физико-математических наук, Красноярский педагогический институт;
- Кузнецов В. Е. – Управление кадров АН СССР.

Комиссии поручалось выяснить на месте обстановку и условия создания института и представить материалы в Президиум АН СССР к 15 сентября 1956 г. За 15 дней работы в Красноярске комиссия ознакомилась с содержанием исследований, проводившихся в учебных институтах города, с кадрами, которые предполагалось привлечь на работу в Институт физики, с некоторыми директорами вузов, осмотрела здания, предлагаемые для института, имела встречи с руководителями городских и краевых партийных организаций.

Начали мы знакомство с Магнитной лабораторией, которая находилась в подвальном помещении педагогического института. Леонид Васильевич рассказывал о ее оборудовании, о работах, выполненных здесь его сотрудниками, отметил, что денег на лабораторию отпускается очень мало.

Запомнился изготовленный здесь электромагнит, позволяющий получать большие магнитные поля, метод автоматической фотозаписи исследуемых явлений на фото- и киноплёнку. Само помещение с низким потолком и внешний вид установок и аппаратуры производили убогое впечатление, но они в то же время и свидетельствовали о большом энтузиазме сотрудников, которые и в таких условиях сумели развернуть исследования и получили весьма важные научные результаты. Здесь были проведены исследования энергетических констант магнитной анизотропии ферромагнитных материалов (их зависимость от температуры и поля), закона подхода намагниченности к насыщению. Изучались магнитострикционные и гальваномагнитные явления, были открыты новые закономерности в области потерь на гистерезис во вращающихся магнитных полях. Значительное количество работ было посвящено исследованию доменной структуры ферромагнетиков. По материалам выполненных научных работ была защищена одна докторская

и одиннадцать кандидатских диссертаций. Все это позволило комиссии сделать вывод, что Магнитная лаборатория Красноярского педагогического института является одним из центров союзного значения по изучению физики магнитных явлений.

По исследованиям в области биофизики пояснения давал И. А. Терсков. Под его руководством велись работы по применению оптических методов, связанных, главным образом, с рассеянием света, к исследованию биологических объектов. Была сконструирована оригинальная аппаратура, были разработаны новые методы анализа и с их помощью исследован ряд важных вопросов биофизики и физиологии крови, получены новые данные по поглощению, рассеянию и отражению света крупнодисперсными окрашенными частицами. Разработаны фотоэлектрические методы счета эритроцитов, определения количества гемоглобина и анализа двух-, трех- и четырехкомпонентной смеси его дериватов. Одним из практических следствий этого метода явилось создание прибора для фотоэлектрического анализа крови – эритрогемометра. Исследование кинетики распада популяции микроскопически малых биологических объектов позволило обосновать объективный метод дифференциации их стойкости. Это дало возможность устанавливать распределение красных кровяных клеток по их возрасту и состоянию, диагностировать некоторые заболевания кровеносных и кроворегулирующих органов. В результате исследований были получены новые данные об изменениях качественного состава красной крови под действием на организм ионизирующей радиации.

Для более обстоятельного рассказа о работах в области биофизики И. А. Терсков пригласил нас к себе домой. В то время он преподавал в Красноярском медицинском институте и готовил докторскую диссертацию. Когда мы зашли к нему в довольно большую комнату, то не только сесть, ступить свободно было некуда. На столах, стульях, подоконниках, на полу – везде были разложены фрагменты диссертации. Глядя на них он продолжал пояснять выполненные биофизические исследования, охарактеризовал кадры, которые он предполагал привлечь в Институт физики, и в первую очередь И. И. Гительсона.

В Сибирском лесотехническом институте под руководством кандидата физико-математических наук А. А. Коршунова велись работы по применению методов молекулярной спектроскопии к изучению физики кристаллов высокомолекулярных соединений. В Красноярском сельскохозяйственном институте работал кандидат физико-математических наук Г. Е. Золотухин в области эмиссионной спектроскопии.

После ознакомления с научными работами и кадрами комиссия была принята секретарем Крайкома КПСС Г. Д. Лапчинским, которому изложила положительное мнение о создании Института физики и поставила вопрос о выделении ему здания. Сначала был предложен двухэтажный деревянный дом в Покровке, который комиссия отклонила. Затем было решено дать институту трехэтажное кирпичное здание общей площадью около 900 кв. м по улице Маркса, 42.

Рудольф Иванович Янус (председатель комиссии), насколько я его знаю (и не только по комиссии), был чрезвычайно эрудированным ученым и обаятельным человеком. Он хорошо знал научные работы красноярских магнитологов и положительно их оценивал. При знакомстве с объемом и уровнем исследований на месте он окончательно утвердился в правильности предложения о создании Института физики в Красноярске и в дальнейшем содействовал этому. Ему понравился город, его окрестности и особенно Енисей. Леонид Васильевич организовал поездку на моторной лодке к месту намечавшегося строительства Красноярской гидростанции. В ней приняли участие Р. И. Янус, Л. В. Киренский, А. Я. Власов и я. На одном из островов, который сейчас затоплен и находится на дне красноярского водохранилища, был сделан привал. Разговор продолжался вокруг вопросов, связанных с организацией института, о красивой окружающей сибирской (красноярской) природе, о том, что пройдут годы и в Красноярске будут работать академические институты, и что Енисей будет перегорожен плотиной, и что остров, на котором мы находились, навечно уйдет под воду рукотворного моря. Быстро пролетело неумолимое время, нет в живых дорогих моему сердцу Леонида Васильевича и Рудольфа Ивановича, но мечты, которые витали на нашем привале, оказались вполне реальными и воплотились в жизнь.

В результате проведенной в Красноярске работы комиссия подготовила докладную записку и представила ее в конце августа в Президиум Академии наук СССР. В записке Красноярск показан как крупный промышленный центр, освещен уровень проводившихся в вузах города исследований в области ферромагнетизма, биофизики и спектроскопии, проанализирован кадровый вопрос. Комиссия пришла к выводу, что в Красноярске имеются необходимые данные для организации Института физики АН СССР с лабораториями: ферромагнетизма, биофизики, дефектоскопии и спектроскопии. С первых же дней организации института в его работе могут принять участие два доктора и девять кандидатов наук. Заключение комиссии было сообщено на совещании в Крайкоме КПСС, где были одобрены выводы комиссии и обещана всяческая помощь и поддержка в организации Института и, в частности, в обеспечении сотрудников жильем.

Докладная записка комиссии была рассмотрена в соответствующих подразделениях Академии наук СССР и 28 сентября 1956 года вопрос о создании Института физики в Красноярске был поставлен на заседании Президиума АН СССР, на котором я присутствовал. До сих пор шло все гладко и казалось, что нет причин сомневаться в положительном решении. Однако неожиданно обнаружили подводные камни, появились противники организации института. На заседании с возражениями выступил председатель Западно-Сибирского филиала АН СССР Т. Ф. Горбачев. Он сказал, что уже имеется постановление Президиума АН СССР о создании Института физики в Новосибирске, так зачем иметь второй такой же? В Красноярске нужно оформить лабораторию и подчинить ее Западно-Сибирскому филиалу. Кроме этого, его возражения подкреплялись тем, что якобы в Красноярске мало физиков и в случае организации Института они уйдут из вузов и там некому будет преподавать. Это выступление поддержал заместитель предсе-

дателя Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов А. И. Горбанев. Естественно, многие присутствовавшие члены Президиума и другие недоумевали: нужен ли Институт физики в Красноярске? Затем выступил М. А. Лаврентьев. Он изложил и обосновал положительное мнение Отделения физико-математических наук и отрицательно оценил выступления Т. Ф. Горбачева и А. И. Горбанева. Он с возмущением говорил, что этим руководителям было поручено развивать науку на периферии, а в данном случае они выступили против этого. И все же, вопрос создания Института физики был отложен.

Здесь нужно подчеркнуть, что в выступлении Т. Ф. Горбачева была, мягко выражаясь, существенная неточность. Дело в том, что в принятом несколько ранее постановлении Президиума АН СССР в Новосибирске создавался не Институт физики, а Институт радиофизики и электроники, а это совершенно другой профиль. Вот об этом-то и не сказали выступающие противники, а также присутствующий на заседании доктор физико-математических наук Ю. Б. Румер (директор нового Института радиофизики и электроники в Новосибирске).

На заседании Президиума АН СССР 28 сентября 1956 г. Л. В. Киренского и Р. И. Януса не было. И я как член комиссии решил поговорить по вопросу института с главным научным секретарем Президиума АН СССР академиком А. В. Топчиевым. На другой день утром я был у него, рассказал, насколько мне было известно, о перспективах развития края и Красноярска, о Л. В. Киренском и его лаборатории, о работе комиссии, о положительных предпосылках и условиях создания Института физики. Говоря о выступлении Т. Ф. Горбачева, отметил, что профиль института в Красноярске совершенно другой, чем в Новосибирске, охарактеризовал достаточно сильный кадровый состав красноярских физиков и то, что их работа в новом академическом институте повысит уровень их квалификации, создаст возможность значительно расширить подготовку необходимых научных кадров, в том числе и для вузов.

По ходу разговора с Александром Васильевичем, по тому, как он реагировал на отдельные фрагменты моего сообщения, становилось ясным его положительное отношение к рассматриваемому вопросу и что такое мнение у него было и ранее, а сейчас, может быть, еще более укрепилось. В своем заключении он заметил: "То, что вопрос отложен, не говорит еще об отрицательном отношении Президиума. Мы получили возможность изучить отрицательные доводы и с их учетом вынесем вторично вопрос об организации Института физики в Красноярске на ближайшее заседание Президиума АН СССР."

Вопрос был включен в повестку заседания на 12 октября 1956 г. И опять появились некоторые трудности. Возражать стали теперь уже некоторые московские физики, выразителем которых явился доктор физико-математических наук Е. И. Кондорский, работавший тогда в Институте физики Земли АН СССР (не точно) и преподававший в МГУ. Именно ему поручил М. А. Лаврентьев выступить на заседании, по-видимому, имея в виду, что он как магнитолог поддержит создание института в Красноярске. Перед заседанием в Круглом зале Президиума подошел ко мне Евгений Иванович и сообщил, что он будет выступать против организации Института, считает, что это преждевременно, целесообразно оформить Магнитную лабораторию. Я ему ответил, что об этом он должен предупредить Михаила Алексеевича. В этот момент в Круглый зал вошел академик Лаврентьев и Кондорский изложил ему свое мнение. Михаил Алексеевич, заложив руки за спину и смотря на Кондорского, молчал, как будто соображая, что ему в этом случае предпринять. Возникла неудобная пауза, нарушил которую Евгений Иванович, сказав, что, может быть, ему не стоит присутствовать на заседании Президиума. Несколько подумав, Михаил Алексеевич сказал: "Да, Вам, пожалуй, действительно, не следует присутствовать на заседании Президиума". Обескураженный таким ответом Кондорский ушел.

На этом заседании Президиума АН СССР 12 октября 1956 г. без каких-либо возражений и прений было принято постановление: "Организовать в городе Красноярске Институт физики Академии наук СССР".

В связи с этим важным, историческим постановлением естественно заключить, что институт создавался под группу красноярских физиков во главе с доктором физико-математических наук Леонидом Васильевичем Киренским, который вскоре и был утвержден его директором.

Леонид Васильевич просил меня, чтобы, находясь в Москве, я и дальше оказывал содействие в решении организационных вопросов, касающихся института, что я и делал по мере моих сил и возможностей.

16 ноября 1956 г. Министерство финансов СССР письмом на имя президента Академии наук СССР академика А. Н. Несмеянова санкционировало организацию Института физики, что явилось основанием для получения финансов и штатов. Помню, как начальник планово-финансового отдела АН СССР П. Г. Шидловский сообщил мне вскоре после письма Минфина, что для начала институту на оставшиеся дни 1956 г. выделено 20 тыс. руб. Я немедленно позвонил в Красноярск Леониду Васильевичу. Это важное событие очень его обрадовало. Институт физики в Красноярске начал свою перспективную жизнь академического научного учреждения.

Как-то в один из приездов в Москву Леонид Васильевич предложил мне занять должность ученого секретаря института. Я долго колебался, так как после окончания физико-математического факультета Иркутского университета прошло 17 лет, а физикой я почти не занимался. Но у меня было и существенное достоинство: я знал структуру Академии наук СССР, установившиеся в ней порядки и традиции, многие инструкции и положения, а также кадры физиков и математиков и был лично знаком с руководящими учеными Президиума АН СССР и Отделения физико-математических наук АН СССР. При следующем разговоре с Леонидом Васильевичем осенью 1957 г. вопрос решился. В январе 1958 г. распоряжением Президиума АН СССР я был назначен ученым секретарем Института физики и прибыл в Красноярск.

С этого времени началась моя постоянная совместная с Леонидом Васильевичем работа в институте, которая продолжалась до 1965 г. Этот период жизни всегда вызывает у меня самые светлые и приятные воспоминания.

К моменту моего приезда в Институте работало немногим более 50 человек, везде чувствовался созидательный, организующий характер труда всего коллектива. Ясно ощущалась руководящая роль Леонида Васильевича, которая не являлась самодовлеющим фактором личности, а органически была связана с общими интересами, заключающимися в организации института, в развитии в его лабораториях научных исследований. На институтский двор привозили необходимое оборудование и материалы. Отведенные два этажа здания были быстро заполнены, и встал вопрос о дополнительных помещениях. Леонид Васильевич обратился в Крайком КПСС о предоставлении другой части здания, занятой советскими организациями. В институт приехал секретарь Крайкома КПСС Г. Д. Лапчинский, осмотрев лаборатории и загруженный ящиками с оборудованием двор, он был чрезвычайно удивлен очень быстрым ростом нового научного учреждения и в откровенной беседе признал, что в другой части этого здания предполагалось временно разместить еще один отраслевой институт. Несмотря на это, все здание, а затем и двухэтажный дом во дворе были переданы институту, а затем было начато строительство здесь же двух небольших корпусов.

Квалифицированных кадров, конечно, не хватало, в частности, докторов и кандидатов наук. Было решено пригласить их из других крупных городов Союза, хотя это до некоторой степени и противоречило убеждениям Леонида Васильевича. Он считал, что кадры нужно готовить на месте. Однако быстрое развертывание исследовательских работ потребовало и быстрого привлечения высококвалифицированных специалистов. В вечерних газетах Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и некоторых других были даны объявления о приглашении на работу в Институт докторов и кандидатов наук с предоставлением жилплощади. На все эти объявления приехал один старший научный сотрудник, кандидат наук из Харькова, которому сразу предполагалось дать лабораторию и квартиру. Был он в институте, пожалуй, один день, затем ознакомился с магазинами, посетил рынок и через несколько дней уехал, и никогда больше к нам не обращался. Таким образом, ориентация Леонида Васильевича на сибиряков получила полное подтверждение.

Вскоре после моего приезда Леонид Васильевич поручил мне подготовить состав Ученого совета института и необходимые к этому материалы для рассмотрения в Сибирском отделении и Президиуме АН СССР. В 1957 г. было образовано Сибирское отделение АН СССР и Институт физики вошел в его структуру. С утверждением состава Ученого совета под председательством Леонида Васильевича появился компетентный коллегиальный орган, который стал рассматривать планы и отчеты научных работ о развитии наиболее важных исследований, научно-организационные и кадровые вопросы, диссертационные работы и др. Первый состав Ученого совета запечатлен на фотографии (июнь 1962 г.), которая теперь стала историческим документом.

Основную часть своей деятельности Леонид Васильевич отводил институту. Вместе с этим как ученого и государственного деятеля, поскольку в начале 60-х годов он был избран депутатом Верховного Совета СССР, как члена Краевого комитета КПСС его интересовало развитие науки и высшего образования в городе, крае, в Сибири. Этим он постоянно занимался. Уже в то время его ученики работали во всех шести вузах Красноярск, в Енисейске, Иркутске, Хабаровске и других местах. На одном из заседаний Ученого совета был поставлен вопрос об организации Красноярского филиала Новосибирского государственного университета. Леонид Васильевич в своем обосновании сказал, что филиал затем должен перерасти в Красноярский университет. На Совете присутствовал приехавший из Москвы представитель Минвуза СССР, который поддержал решение Совета об университете и оказал содействие в составлении необходимой документации. Дальнейшей мечтой Леонида Васильевича было создание в городе ряда академических институтов, Красноярского филиала Сибирского отделения АН СССР, строительство Академгородка. В этом направлении он предпринимал энергичные меры.

Важное значение Леонид Васильевич придавал подготовке научных кадров, он всегда имел аспирантов. Насколько мне помнится, его учениками было подготовлено и защищено более 50 диссертационных работ и ни одна из них не была отклонена. Непременным условием защиты диссертации, как он считал, должны быть отзывы ведущих по теме организаций и особенно тех организаций, которые имеют возражения или замечания. Когда эти возражения и замечания рассмотрены и учтены в окончательных выводах, то успех защиты очевиден.

Л. В. Киренский обладал удивительной способностью заниматься исследовательской работой вне кабинета. За время работы в институте мне приходилось неоднократно это наблюдать.

Было лето. Стоял жаркий июль. День клонился к вечеру. Даже в нашем старинном здании, где стены более метра толщиной, было душно и жарко. Я работал над статьей по диссертационной теме и время от времени спускался в подвальный этаж, чтобы охладиться. Закончив статью, я понес показывать ее Леониду Васильевичу. Он сидел в кабинете в одной рубашке с расстегнутым воротом, пиджак и галстук висели на стуле. Выслушав меня, он спросил: "А не искупаться ли нам?" И добавил: "Поедьте на Енисей." "А как же статья? – говорю я. – Хотелось бы поскорее отправить ее в издательство." "Когда искупаемся, тогда там и статью посмотрим," – ответил он. Мы сели в машину и через 20 минут были в районе Дома отдыха на берегу Енисея. Ах, какая вода в Енисее была в то время, т. е. до постройки плотины: нормально прогревалась и купаться было одно удовольствие. За свою жизнь я купался во многих реках, морях и даже океанах, а такой воды, как в Енисее, чистой, бодрящей, которая так и разглаживает кожу, и вкусной, не встречал. Мы искупались и бодрые с хорошим настроением сели на камешки. Леонид Васильевич прочитал статью и после обсуждения некоторых ее фрагментов сказал: "Ну, теперь можно отправлять в журнал".

Как-то зимой мы были на даче за Сабакиной речкой у одного сотрудника педагогического института. Гуляя по лесу, мы чертили на снегу графики зависимости динамической магнитострикции от постоянного модулирующих полей и обсуждали экспериментальные результаты. Леонид Васильевич сделал важные замечания, которые оказали содействие в дальнейшем продвижении работы.

У Леонида Васильевича всегда было ровное доброжелательное отношение к сотрудникам, да и вообще к людям. Я не видел его никогда злым, возбужденным, чтобы он когда-либо кого распекал. Напротив, можно привести немало примеров, когда Леонид Васильевич проявлял теплую заботу и внимание к окружающим. Он нередко подчеркивал, что окриками и руганью хорошие дела не решаются – это не метод работы. Помню, как-то ко мне в кабинет вошла Лидия Ивановна Успенская (референт) и говорит, что пришел инженер Салмин и просит его пропустить к директору. На вопрос Лидии Ивановны о цели посещения он ответил, что скоро уходит в отпуск и поедет домой, и по этому случаю хотел бы получить благодарность за работу в институте, которую он мог бы показать родителям. Лидия Ивановна, обращаясь ко мне, добавила, что не знает как поступить, т. к. считает неудобным беспокоить Леонида Васильевича по такой несерьезной просьбе. Я ее в этом поддержал, и она с убеждением, что не надо пускать Салмина, к директору вышла. В то время, когда Лидия Ивановна была у меня, Салмин сам вошел к Киренскому. Через несколько минут я вышел в приемную и вижу: Леонид Васильевич стоит в дверях кабинета и дает указание референту подготовить приказ о благодарности Салмину. Следом за Киренским я вошел в его кабинет доложить какой-то документ и как бы между прочим заметил, что не этично, когда сами сотрудники запрашивают себе благодарности. На это Леонид Васильевич ответил, что он как директор должен был раньше издать такой приказ. Салмин по его поручению выполнил важное научное задание, которое не могли сделать другие сотрудники.

Несмотря на огромную занятость научной, научно-организационной, партийной и государственной работой, Л. В. Киренский живо интересовался литературой, музыкой, спортом, хорошо играл в шахматы. По его мнению, человек, не воспринимающий эти стороны жизни, – ограниченный человек. Поскольку меня также привлекал спорт (я в молодости играл в футбол и в хоккей с мячом), то мы с ним нередко выкраивали время и посещали хоккейные баталии. Однажды мы присутствовали на матче по хоккею с мячом на бывшем стадионе “Динамо” (сейчас на этом месте театр оперы и балета). Играли команды “Енисей” и “Волга” (Ульяновск). Матч был решающим, в случае проигрыша и даже ничейного результата “Енисей” выбывал из высшей лиги. Игра приближалась к концу, осталось всего несколько минут, счет 3:3, и все с большим напряжением следили за игрой и переживали за “Енисей”. В этот момент наш игрок Семенов с дальнего расстояния сильным с прижимом ударом (выражение Леонида Васильевича) забивает четвертый гол в ворота “Волги”. Заполненные до отказа трибуны забушевали, все кричали, орали, свистели, жестикулировали, бросали вверх шапки. В этой буре зрителей были голоса, свист и шапки директора и ученого секретаря Института физики Академии наук СССР.

В дни праздников или юбилейных дат Леонид Васильевич всегда присутствовал в нашей (институтской) компании, а нередко и сам был их организатором. Здесь он был для нас старшим товарищем и другом. Он любил попеть и потанцевать, играл на мандолине, а я ему аккомпанировал на гитаре. Мы исполняли старинные русские и советские песни. Его непереносимое желание, чтобы на наших праздничных встречах всегда было много музыки. Как-то мы зимой собрались на новоселье к А. И. Дрокину и обсуждали, что ему купить. Леонид Васильевич предложил купить гитару и мандолину, чтобы у всех нас были музыкальные инструменты. Так и сделали...

С дальнейшим становлением и развитием института, а также с проведением в 1958 г. в Красноярске Всесоюзного совещания по магнитной структуре ферромагнетиков, а в последующем и других форумов, чаще стали появляться у нас ученые – гости из Москвы, Ленинграда и других городов. Леонид Васильевич всегда проявлял к ним особое внимание и стремился к тому, чтобы их научные достижения стали достоянием и сотрудников нашего института. Многие из них выступали в конференц-зале с лекциями и докладами.

Помню, как-то из Москвы приехали два профессора, Леонид Васильевич решил принять их дома и угостить ужином. Так как его жена Зинаида Яковлевна была в отъезде, то он попросил меня помочь. Но чем удивить москвичей? Естественно, каким-то сибирским блюдом. Было решено приготовить строганину. К приходу гостей на столе была мороженая тонко наструганная деликатесная енисейская рыба, нарезанный ломтиками репчатый лук, уксус, перец, черный хлеб и водка. Как говорится, что было, то было и больше ничего. Когда после делового разговора гостей пригласили в другую комнату к столу, то они какое-то мгновение растерянно смотрели на накрытый стол и не решались сесть за него. Один из них спросил, указав на рыбу, что это такое? Леонид Васильевич объяснил, что это мороженая сырая рыба – сибирское вкусное блюдо. Другой, взявшись за живот, стал говорить, что это ему противопоказано ввиду болезни желудка и т. д. Оба сказали, что едят только белый хлеб. Возникла неловкая пауза. Тогда мы стали их уговаривать только попробовать. После рюмки водки и пробы еда пошла. Через некоторое время растерянность прошла, рыба исчезла, профессора попросили добавки, поднялось настроение и за интересными разговорами прошел вечер. Наши гости остались очень довольны и говорили, что ничего подобного они в жизни не ели. В этом приеме сказались и наше сибирское гостеприимство, и тонкий искренний доброжелательный юмор, который был свойствен Л. В. Киренскому.

Леонид Васильевич был человеком с большой буквы и в работе и в жизни. Он прожил интересную и плодотворную жизнь. Приехав в 1940 г. в Красноярск молодым ученым, он за 30 лет своей плодотворной и целеустремленной научной и научно-организационной деятельности достиг выдающихся успехов. Был создан Институт физики СО АН СССР, Красноярский государственный университет, заложена основа создания Красноярского филиала СО АН СССР, за крупные научные труды и организаторскую деятельность он был избран действительным членом Академии наук СССР, удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Самые светлые воспоминания сохранились у меня об этом человеке. Я и сейчас испытываю самые высокие патриотические чувства к тому, что он творил, к городу Красноярску, где я родился и вырос, и конечно, к Институту физики, в создании которого мне посчастливилось участвовать под руководством незабвенного и дорогого Леонида Васильевича Киренского.